

Латинская Америка: вызовы посткризисного периода

Л.Л.КЛОЧКОВСКИЙ, д-р экон. наук, ИЛА РАН

Мировой экономический кризис и Латинская Америка

Представляется, что главными чертами современной посткризисной ситуации являются *сохранение серьезной и повсеместной экономической неустойчивости и большая неопределенность перспектив дальнейшего мирохозяйственного развития*. Чем это определяется? Главные факторы — *сложная хозяйственная обстановка в центрах капитализма, преобладание вялой экономической конъюнктуры* с низкими темпами роста ВВП, пониженный по сравнению с докризисным периодом уровень инвестиций, экспорта и импорта, высокая безработица, сохранение дефицитов государственных бюджетов и резко возросший госдолг. Наиболее сложный характер носят трудности в рамках ЕС, члены которого лишены возможности использовать традиционные формы экономического маневрирования в виде девальвации валюты. Возник ряд слабых звеньев, которые приходится спасать от банкротства. Это — Греция, Ирландия, Португалия, на очереди Испания. Важно отметить, что нынешние трудности в центрах — не кратковременное явление. Это довольно длительная полоса, которая займет, видимо, всю первую половину текущего десятилетия, а, возможно, продлится и дольше. К тому же специалисты не исключают повторения острой кризисной ситуации 2009 г. Таковы некоторые наиболее важные тенденции мирохозяйственного развития.

Что касается стран Латинской Америки, то при том, что сама острая фаза кризиса в регионе была непродолжительной (примерно семь-восемь месяцев), он привел к ощутимым потерям. Снижение ВВП составило около 2%. Падение показателя экономического динамизма было большим и измерялось семью процентными пунктами. Серьезный ущерб был нанесен всей системе внешнеэкономических связей: внешнеторговые обороты упали на $\frac{1}{4}$, прямое инвестирование снизилось на 42%. В целом экономический кризис проявился в Латинской Америке острее, чем в других развивающихся регионах. Низшая точка кризиса была пройдена в середине 2009 г., и в 2010 г. экономика региона продемонстрировала 6%-ый рост. Вместе с тем элемент экономической неустойчивости дал о себе знать очень быстро.

Окончание. Начало см.: Латинская Америка, 2011, № 9.

Уже в третьем квартале 2010 г. темпы хозяйственного роста стали снижаться, и по имеющемуся прогнозу на 2011 г. экономический рост в регионе не превысит 4,2%, в том числе для Южной Америки — 4,5%, Мексики и государств Центральной Америки 3,6%, стран Карибского бассейна — 2,2%.

Основным фактором, который влияет на экономическую неустойчивость и неопределенность в регионе, является тенденция к ухудшению внешнеэкономических условий развития латиноамериканских стран. *Значимость этого явления состоит в том, что внешнеэкономические факторы в решающей степени определяют и определяют хозяйственное положение большинства государств.* В частности, успехи, достигнутые в предкризисные годы (2003—2008), в основном были связаны с благоприятной внешнеэкономической конъюнктурой. В этой связи возникает следующий принципиальный вопрос: а можно ли снизить роль внешнеэкономических факторов, ослабить зависимость экономического роста, в частности от внешнего рынка. Реальный опыт Китая свидетельствует о том, что это возможно. В КНР более интенсивно используются внутренние факторы роста. В 2009 г. экспорт упал более чем на $\frac{1}{4}$, но, благодаря изменению стратегии хозяйственного развития темпы роста сохранились на уровне 9%. Применительно к Бразилии Л.Н.Симонова пишет о формировании национально ориентированной модели развития — о создании 1 млн новых рабочих мест, стимулировании внутреннего спроса и т.д. Но представляется, что возможности для маневра, которыми располагает Бразилия, весьма узки для решительного поворота в сторону социально ориентированного развития экономики. Нужна другая модель. Поэтому внешнеэкономические факторы все-таки останутся для Латинской Америки, и в том числе для Бразилии, главной движущей силой хозяйственного развития. И это признается всеми, из этого исходит прогноз МАБР.

Конкретными проявлениями тенденции к ухудшению внешнеэкономических условий может стать, прежде всего, **замедление роста внешней торговли.** По имеющимся прогнозным оценкам, темпы могут снизиться в среднесрочной перспективе (до 2020 г.) примерно в полтора раза (с 8,8% до 6%), что связано с обозначившимся в экономической стратегии как центра, так и периферии поворотом в сторону более интенсивного использования внутренних рынков и их всемерной защиты от иностранной конкуренции. Разумеется, здесь нельзя не учитывать и действия противоположных моментов. В частности, в 2010 г. на мировых рынках сырья, топлива и продовольствия наблюдалось своего рода парадоксальное явление — повышение цен в условиях пониженного спроса со стороны развитых стран. Это создало предпосылки для увеличения экспортных доходов латиноамериканских поставщиков сырья. Пока сложно сказать, насколько устойчивым будет это явление. Высокий спрос на сырье предъявляют Китай, Индия, в какой-то степени Юго-Восточная Азия. Но главными движущими силами роста цен являются политические события (например, в Ливии) и биржевые спекуляции.

Элементы неустойчивости присущи и сфере движения капитала. После резкого сокращения притока прямых иностранных инвестиций в 2009 г. (более чем на 40%) в 2010 г. докризисный уровень восстановился. Однако существенную часть притока средств из-за рубежа составляет так называемый «горячий капитал». Его поступление в 2010 г. составило 46 млрд долл. Это не первый случай

вторжения больших масс спекулятивного капитала в регион. Как известно, его поведение мало предсказуемо. В прошлом оно приводило к дестабилизации хозяйственной ситуации в отдельных странах (в частности, в Мексике) и серьезным финансово-экономическим потрясениям. Что касается прямых инвестиций, то в связи с тем, что их главным источником являются промышленно развитые государства, их перспективы, как представляется, неопределенны, и темпы их прироста могут снизиться по сравнению с рекордным уровнем 2010 г.

Ухудшение внешнеэкономических условий хозяйственного развития предопределяется неблагоприятными перспективами взаимодействия с ключевыми партнерами. Центральным вопросом здесь является экономическое сотрудничество с США. На этом направлении уже довольно продолжительное время отмечается определенное торможение. Так, в период с 2000 по 2007 г. удельный вес США в латиноамериканском экспорте снизился с 60 до 42%, а в импорте — с 50 до 36%. В условиях кризиса товарооборот США с регионом заметно сократился: более, чем на четверть импорт и примерно на пятую часть экспорт. По имеющимся оценкам, тенденция к уменьшению роли США в латиноамериканской торговле может сохраниться. По расчетам экспертов ЭКЛАК, доля США в латиноамериканском экспорте снизится к 2020 г. до 28,1%, а в импорте — до 26,1%. Здесь действует ряд причин, но, видимо, главной является определенное снижение значимости региона в шкале внешнеполитических и внешнеэкономических приоритетов США. Рубежом стал провал проекта «Всеамериканской зоны свободной торговли». Хочу заметить, что, анализируя это событие, мы много писали о решительном отпоре, который дала Латинская Америка североамериканскому экспансионизму. Но тут была и другая сторона. Не исключено, что Латинская Америка потеряла свой исторический шанс на расширение хозяйственного взаимодействия с США и использование этого фактора для ускорения своего развития, продвижения вперед на пути модернизации. Подход США к региону после провала проекта существенно изменился. Они развернулись в сторону его разделения: подтягивали в свой ближайший резерв Мексику, страны Центральной Америки и Карибы, частично заигрывали с Бразилией и заняли выжидательную позицию в отношении большинства государств Южной Америки. Недавно, в преддверии визита Обамы в Латинскую Америку, ЭКЛАК опубликовала специальное исследование. В нем отмечается отсутствие у США стратегического видения Латинской Америки и их экономическая пассивность в регионе. Но это, видимо, вполне закономерный результат происшедших событий.

Что касается Западной Европы, то тут прослеживаются аналогичные тенденции. Налицо устойчивое ослабление позиций западноевропейских стран на латиноамериканском рынке. За период с 1990 по 2006 г. их доля в латиноамериканском экспорте снизилась с 25% до 16%, а в импорте — с 20 до 15%. В условиях кризиса падение продолжилось, и в перспективе ожидается дальнейшее снижение доли ЕС в латиноамериканском внешнеторговом обороте — до 13,6% в экспорте и 14% в импорте в 2020 г. В целом представляется, что, хотя между ЕС и Латинской Америкой продолжаются переговоры и заключаются новые соглашения, регион находится на периферии западноевропейских интересов ввиду проблем внутри ЕС и необхо-

димости уделять большее внимание странам Центральной и Восточной Европы.

На этом фоне еще в предкризисные годы наблюдалось довольно интенсивное расширение взаимодействия региона с КНР. Если в 2000 г. доля КНР в латиноамериканской торговле не превышала 1%, то к началу кризиса она достигла 8% импорта и превысила 7% экспорта. В этой связи возникает главный вопрос: в какой степени сотрудничество с КНР может компенсировать относительное ослабление хозяйственных связей с центрами капитализма? Эксперты латиноамериканских организаций настроены в этом плане весьма оптимистично. В частности, по расчетам специалистов ЭКЛАК, в 2020 г. присутствие КНР в латиноамериканском экспорте достигнет 19,3%, а в импорте — 16%. Однако представляется, что преувеличивать потенциал китайского импорта не следует. Специалисты ЭКЛАК ориентировались на двукратное снижение темпов роста китайских закупок. В реальности падение может быть большим — в 2009—2010 гг. темпы роста импорта КНР составляли 5%. Важно и другое: КНР не может обеспечить качественный уровень взаимодействия. Необходимой взаимодополняемости между КНР и Латинской Америкой в полной мере нет. Китай не готов к масштабным закупкам латиноамериканской готовой продукции и выступает конкурентом на рынках потребительских изделий США и Западной Европы. Усиливается конкуренция Китая и на национальных рынках региона. В целом компенсаторные возможности китайского фактора выглядят довольно ограниченными, а это подводит к выводу о том, что взаимодействие с центрами капитализма при всех подвижках в расстановке мировых сил будет оставаться центральным звеном внешнеэкономических связей региона.

В.А.ТЕПЕРМАН, канд. экон. наук, ИЛА РАН

Роль государства в экономике до, во время и после кризиса

Страны Латинской Америки довольно быстро отказались от либеральных экономических концепций, утверждавших, что чем ниже уровень государственного участия в экономике, тем лучше для нее. К началу 2000-х годов практически везде в регионе сложился консенсус в понимании того, что для успешного функционирования хозяйственной системы наличие сильного и эффективного государства столь же необходимо, как и развитых рыночных отношений и мощного частного сектора. Такой же позиции придерживалась и ЭКЛАК. Главными задачами государства стали: создание четких «правил игры» — совершенствование законодательной и нормативной базы, контроль над их исполнением, формирование адекватных регулирующих институтов, включая реформирование судебной системы, обеспечение надлежащего состояния физической (транспортная сеть, электроэнергетика) и социальной (образование, здравоохранение) инфраструктуры.

Наиболее успешно подобная модель действовала в Чили, но и в большинстве других стран был достигнут существенный прогресс в повышении эффективности хозяйственной деятельности государства, проявившийся, в частности, в наведении порядка в бюджетной сфере и создании системы банковского надзора, обеспечившего надежность кредитной системы, что

сыграло важную роль в относительно безболезненном и быстром преодолении последствий мирового финансово-экономического кризиса.

Вместе с тем во многих странах и качество принимаемых законодательных и нормативных актов, и контроль над их исполнением, и деятельность регулирующих органов оставались далекими от оптимальных. Согласно обзорам Всемирного банка «Doing Business», анализирующим условия ведения бизнеса с точки зрения временных и материальных затрат на открытие нового предприятия, регистрацию собственности, получение лицензии, осуществление внешнеторговых операций и т.д., лишь Мексика, Перу, Колумбия и Сент-Люсия в последние годы продемонстрировали заметный прогресс в названных областях. Бразилия же по состоянию на середину 2010 г. занимала только 127-е место среди 183 государств мира, а по времени, которое требовалось на уплату налогов, находилась на самой низкой ступени.

Кризис заметно повысил роль государства в формировании и реализации макроэкономической политики, что стало характерно для стран всех регионов земного шара, затронутых кризисом. Если меры, предпринятые в фискальной и денежно-кредитной сферах для стимулирования производства, вели к усилению регулирующих функций государства, то оказанная им финансовая помощь способствовала росту его влияния в экономике. В Бразилии основными каналами дополнительных вливаний бюджетных средств в реальный сектор стали государственные банки. Объем предоставленных ими кредитов за время кризиса возрос более чем на 80%, тогда как частных местных банков — примерно на 45%, а иностранных — немногим более чем на 20%, в результате чего доля государственных кредитных ресурсов в их совокупном портфеле превысила 40%. Значение государственных инвестиций для экономического развития существенно возросло: их доля в ВВП по итогам 2010 г. достигла 4,8%, а в суммарных капвложениях в основной капитал — 26,3%. В 2005 г. соответствующие показатели составили 2,7% и 16,8%.

Закономерен вопрос: не является ли подобная ситуация только результатом противодействия кризису, и не произойдет ли кардинального преломления тенденции последних лет по мере улучшения хозяйственной конъюнктуры? Создается впечатление, что нет. В той же Бразилии спад 2009 г. сменился год спустя самым высоким за четверть века подъемом, но доля государственных банков в финансировании снизилась всего на 0,4%. Планируется принять второй план ускорения развития (первый был принят в 2007 г.) и за счет него обеспечить дальнейшее наращивание инвестиций в основной капитал.

В некоторых других странах речь идет не только о сохранении высокого уровня государственных инвестиций, но и применении иных мер усиления воздействия на хозяйственные процессы. Так, в Аргентине в 2008 г. были национализированы частные пенсионные фонды, что можно объяснить желанием государства обеспечить дополнительные ресурсы в условиях приближения кризиса. После того как он миновал, не только не возникла идея воссоздания частной пенсионной системы, а наоборот, факт национализации используется как предпосылка государственного вмешательства. В 2008 г. под госконтроль перешли акции 42 компаний, инвестиции в которые были осуществлены частными пенсионными фондами. Однако участие государственных представителей в советах директоров было ограничено 5%. В апреле 2011 г. президентским декретом предписано привести долю представительства в соответствии с долей акций, которая в ряде компаний

превышает 25%. Таким образом, возможность влияния государства на деятельность аргентинского корпоративного сектора серьезно возрастает. Если действия аргентинских властей можно приписать их «розовому окрасу», то в отношении Колумбии этот довод не срабатывает. Но и здесь в середине 2010 г. принято решение не приватизировать энергетические компании, принадлежащие отдельным департаментам, а изыскать кредиты для повышения эффективности их деятельности.

Важным направлением макроэкономической политики (прежде всего в крупных и средних государствах) стало расширение практики перераспределения ответственности и, соответственно, доходов и расходов между центральным правительством и властями отдельных провинций, штатов, департаментов и муниципалитетов. К сферам, традиционно находившимся в ведении местных властей — образование, здравоохранение, коммунальные службы, во многих государствах добавились новые: элементы транспортной инфраструктуры, линии электропередач, телекоммуникации и т.д. Этот процесс имеет достаточно длительную историю и напрямую не связан с кризисом, но наш взгляд, получит дальнейшее развитие в посткризисный период.

Первый принцип бюджетного федерализма состоит в закреплении за территориальными и местными властями собственных источников доходов, в которые, помимо традиционных сборов за лицензирование, регистрацию, коммунальные услуги, от штрафов добавились налоги. Второй чертой децентрализации стало расширение доступа местных властей к источникам финансирования, включая предоставление права на эмиссию собственных ценных бумаг в отдельных странах (Аргентина, Бразилия, Колумбия, Мексика, Перу).

К Аргентине, Бразилии и Колумбии, соблюдающим принцип фискального федерализма с конца 1980-х годов, добавились в последнее десятилетие Боливия, Коста-Рика, Мексика, Перу и Эквадор. В других странах доля территориальных и местных правительств в совокупных финансовых потоках меняется слабо, а в Чили за 2000-е годы даже сократилась. Тем не менее, представляется, что тенденция к дальнейшей децентрализации государственных функций в экономике будет усиливаться.

А.А.ЛАВУТ, канд. экон. наук, ИЛА РАН

Уроки кризиса для региональной интеграции

Кризис оказал довольно существенное влияние на интеграционные процессы, которые в предыдущем десятилетии развивались трудно и медленно. Выполнение некоторых интеграционных программ зашло в тупик: (создание таможенных союзов в Андском сообществе наций и Mercosur, создание Банка Юга, реализация проекта UNASUR). Наблюдалось усиление политических и идеологических противоречий, особенно в андских странах. С началом кризиса предпринимались усилия по укреплению сотрудничества и ускорению интеграции в целях противостояния внешнему шоку, сокращению регионального экспорта. Эти усилия были плодотворны в финансово-кредитной сфере, но безуспешны в области взаимной торговли, которая сократилась в большей степени, чем глобальный экспорт, и в очередной раз подтвердила циклический характер своего развития. Обострились политические противоречия, наиболее острые конфликты связаны с

переворотом в Гондурасе, непризнанием нового правительства этой страны рядом государств региона, а также разрывом дипломатических отношений между Венесуэлой и Колумбией, Эквадором и Колумбией.

С началом выхода из кризиса положение стало меняться. Наметилась перелом тенденции к застою в интеграции. Произошло заметное оживление деятельности всех объединений и связей между ними, продвижение в вопросах, которые не могли решаться в течение ряда лет. В Mercosur наконец определились с путями и сроками создания таможенного союза, договорились об отмене двойного налогообложения и о принципах распределения таможенных доходов. В Unasur после двух лет споров в 2010 г. удалось избрать генерального секретаря объединения и начать практическую деятельность по экономическому и политическому сотрудничеству. В CARICOM и Системе центральноамериканской экономической интеграции (Sistema de integración económica centroamericana, SIECA) также отмечен прогресс в движении к единому рынку и таможенному союзу. Заключен ряд торговых соглашений и ведутся переговоры о свободной торговле между государствами — членами различных региональных интеграционных объединений. Наибольшее значение для перспектив интеграции и межлатиноамериканских связей имеет обозначившаяся в 2010 г. тенденция сближения Мексики с другими государствами региона. Испытав глубокий спад в 2009 г. вследствие слишком большой зависимости от экономики США, она явно стремится к расширению своих связей с южными соседями. Она подписала торговые соглашения с Колумбией и Перу и ведет переговоры с Бразилией и другими странами — членами Mercosur. В 2010 г. ее торговля с государствами ЛКА выросла почти в полтора раза.

Внутрирегиональная торговля после спада 2009 г. восстановилась очень быстро, в 2010 г. она уже превысила предкризисный уровень, причем ее рост немного превзошел торговлю с другими районами мира. Это необычное явление для послекризисного развития региона. В прошлом кризисы вызывали резкое сокращение в первую очередь внутрирегиональной торговли, которая затем восстанавливалась очень медленно, причем после полного восстановления в абсолютных цифрах и даже увеличения ее удельный вес в глобальном экспорте стран ЛКА никогда не достигал докризисного уровня. Таким образом он постоянно сокращался по сравнению с максимальными значениями, зафиксированными в начале 80-х годов. В 2011 г. тенденция к активизации и росту роли внутрирегиональной торговли сохраняется.

Весьма примечательно, что после кризиса разрешились наиболее острые политические конфликты в регионе. Нормализовалась ситуация вокруг Гондураса, восстановлены отношения между Венесуэлой и Колумбией, Колумбией и Эквадором. Политические раздоры в период кризиса негативно повлияли на торговые связи и усугубили экономические трудности. Этот отрицательный опыт заставил латиноамериканские правительства строить отношения на более прагматичной основе невзирая на политические и идеологические различия.

Кризис и особенно посткризисное развитие вызвали к жизни целый ряд интересных новых инициатив в области интеграции. Из них прежде всего следует упомянуть проект создания крупного объединения под названием «Зона глубокой интеграции» в составе четырех государств — Мексики, Колумбии, Перу и Чили. Их совокупное население превышает 200 млн че-

людей, а суммарный ВВП (1,5 трлн долл.) примерно равен бразильскому. Заинтересованность в присоединении к четверке проявила Панама, сами основатели «Зоны» заявляют, что они открыты для всех стран SIECA. Так что речь идет о группировке, которая по своим масштабам сопоставима с Mercosur, а по глубине интеграции может его превзойти. Цель нового союза — создание общего рынка со свободным движением капиталов, товаров и, возможно, рабочей силы. Она ставилась почти всеми интеграционными объединениями в регионе, но нигде, за исключением Организации восточно-карибских государств (куда входят 10 небольших островов с общим населением менее 600 тыс. человек) не была достигнута. В новой группировке, как предполагают ее участники, глубокая интеграция будет облегчаться близостью экономической политики и внешнеполитической ориентации — все страны имеют соглашения о свободной торговле с США и соответственно их экономическое законодательство во многом унифицировано, оно основано на принципах НАФТА. Другая цель четверки — сотрудничество в расширении связей со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) и укрепление своих позиций в переговорах с ними. Соответственно предполагается, что интеграционный пакт, который в конце 2011 г. подпишут Мексика и три андские республики, будет называться Тихоокеанским соглашением. Реализация указанных планов может существенно повлиять на развитие интеграционных процессов, экономическое развитие и расстановку политических сил в регионе.

Еще одна важная инициатива также выдвинута в 2010 г. и должна быть реализована в 2011 г. Она предполагает слияние фондовых бирж Колумбии, Перу и Чили с уровнем капитализации в 700 млрд долл. — проект создания Объединенного латиноамериканского рынка (Mercado Integrado Latinoamericano, MILA). Возможно, эта инициатива будет наиболее значимой из ряда проектов финансового сотрудничества, возникших в результате кризиса, среди них — создание единой расчетной валюты сукре странами, входящими в ALBA, новые системы взаимных платежей в национальных валютах в торговле между Аргентиной и Бразилией, между государствами ALADI.

Следует также отметить создание общерегиональной интеграционной организации — Сообщества государств Латинской Америки и Карибского бассейна (Comunidad de estados latinoamericanos y caribeños, CELAC) на основе объединения Группы Рио и Саммита стран ЛКА по вопросам интеграции и развития (Cumbre de América Latina y el Caribe sobre integración y desarrollo, CALC). CALC был вызван к жизни кризисом, впервые он был созван по инициативе Бразилии в декабре 2008 г. в Коста-де-Сауипе (штат Сальвадор) с целью углубления интеграции и экономического сотрудничества, чтобы совместно противостоять финансовому кризису. В нем приняли участие 33 государства региона. Он был примечателен тем, что впервые в латиноамериканском саммите не участвовали внерегиональные страны — США, Канада, Испания, Португалия. Тогда же было принято решение о создании CELAC, которое еще не завершено. Определенное продвижение было достигнуто на Втором саммите CALC в Канкуне в феврале 2010 г., где был принят рабочий план.

Создание CALC не завершено, идет процесс его формирования, возможно, эта цель будет достигнута на очередном саммите, намеченном на конец 2011 г. Данное объединение призвано преодолеть раздробленность интеграционных организаций в регионе, интенсифицировать их связи и координацию, продвинуть вперед как экономическое, так и политическое

сотрудничество стран региона, способствовать выработке единых позиций на международных форумах.

Чем можно объяснить такие значительные подвижки в интеграционных процессах после долгих лет топтания на месте вследствие экономических и политических противоречий? Как представляется, в основе этого прогресса — понимание того, что послекризисная международная конъюнктура уже не та, что была до кризиса, ситуация гораздо сложнее, особенно на рынках Западной Европы и США. Ясно, что и переводы от трудовых мигрантов не будут поступать в тех же размерах. И для того, чтобы удержать докризисные достижения и продвинуться дальше, нужно приложить большие усилия, использовать все возможности и еще придумать что-то новое. Поэтому нельзя пренебрегать потенциалом и преимуществами интеграции. В посткризисный период латиноамериканские экономики, успешно отразившие внешний шок, оказались наиболее перспективными после стран Азии рынками капиталов и товаров, они привлекают внимание всех участников мирового хозяйства, и сами государства региона спешат воспользоваться собственными конкурентными преимуществами на рынках соседей (географической близостью, общностью языка, культуры, наличием региональных преференциальных соглашений и т.д.). Не исключено, что эти центростремительные тенденции под влиянием изменения международной конъюнктуры, политических и экономических противоречий, усиления соперничества и национализма в недалеком будущем ослабнут и даже на какое-то время сменятся центробежными, но тем не менее импульс, который интеграция получила в итоге кризиса, позволит ей существенно продвинуться вперед.

Л.Я.НУТЕНКО, канд. географ. наук, ИЛА РАН

Интеграция в Mercosur: последствия глобального кризиса

Глобальный кризис нанес заметный урон странам — членам Mercosur, — Аргентине, Бразилии, Венесуэле, Парагваю и Уругваю. В среднем по блоку рост ВВП в 2009 г. в сопоставлении с предшествующим пятилетием существенно замедлился. Сильнее всего пострадал экспорт: например, в Аргентине он уменьшился в 2009 г. по отношению к 2008 г. почти на треть, в Бразилии — на 10%.

Что касается интеграции, то негативное воздействие на нее кризиса не представляется столь же очевидным и однозначным, как на экономику в целом. Вектор развития многих интеграционных программ, особенно капиталоемких, и до 2009 г. был ориентирован на торможение. Так, строительство газопровода Север — Юг, крупнейшего в Южной Америке было снято с повестки дня, заморожено еще в 2006 г. Банк Юга, призванный финансировать взаимодействие в Mercosur, в том числе в инфраструктуре, лишь после пяти лет подготовительных работ с подписанием так называемого «Учредительного акта» в 2009 г. вышел на предстартовую ступень, но пока каких-либо операций на кредитном рынке не производит. Очевидно, однако, что в наблюдавшееся в последние годы снижение рейтинга и шансов на осуществление масштабных интеграционных инициатив кризис внес свою лепту — почти повсеместно уменьшились возможности финансирования

такого рода проектов, особенно (с падением цены нефти) в Венесуэле, традиционно выступавшей их наиболее активным проводником.

В сложившихся условиях роль мер относительно малого формата и ранга, нацеленных на сближение, в группировке возросла, окрепла политическая воля к единению участников под влиянием кризиса, а с завершением его острой фазы явно прослеживается всплеск интеграционной активности, которая фокусируется преимущественно на созидании единого внутреннего таможенного пространства. Например, достигнутые на саммите блока в Сан-Хуане (Аргентина) в июне 2010 г. договоренности с Парагваем касательно упразднения двойного налогообложения импорта разблокируют применение Таможенного кодекса, подготовленного пять лет назад. В повестку дня на передний план на ближайшую и среднесрочную перспективу все больше выдвигаются меры, ориентированные на гармонизацию таможенных режимов, унификацию процедур экспорта и импорта, стандартизацию фитосанитарных норм. Потенциал подобных подвижек в Mercosur значительный, и они шаг за шагом скорее всего продолжатся. В целом сформировавшиеся в истекшее десятилетие векторы эволюции интеграции вглубь, направленные, в частности, на первоочередное осуществление менее затратных, но нередко весьма весомых проектов, не претерпели, как представляется, заметной переориентации под действием кризиса и даже усилились.

В то же время интеграционный задел, созданный в группировке к 2009 г., отчасти расширил возможности противодействия ее участников анализируемым потрясениям. В этом контексте следует выделить проводившийся после 2000 г. прежде всего по инициативе Бразилии курс на развитие интеграционных связей с крупнейшими государствами Азии и Африки (в том числе в пределах BRICS). Например, Рамочные соглашения с целью создания ЗСТ подписаны Mercosur с ЮАР еще в 2000 г., с Индией в 2003 г. В качестве первого этапа в строительстве данных ЗСТ в 2004 г. с названными странами заключены Преференциальные торговые соглашения. Каждое из них включает ныне около тысячи товарных позиций, по которым установлены льготные импортные тарифы. В результате только товарооборот Индии с Бразилией в 2001—2010 гг. с весьма низкой начальной базы увеличился до 7,6 млрд долл. Разумеется, эти достижения в масштабах суммарного товарооборота Mercosur довольно невелики, тем не менее, на наш взгляд, роль интеграции как фактора, позволившего в кризис частично компенсировать потери участников блока в экспорте в США и ЕС, нельзя сбрасывать со счетов. Кризис, несомненно, показал плодотворность и дальновидность курса на диверсификацию интеграционных связей и дал дополнительный импульс его интенсификации. Примечательно, что одной из первоочередных мер руководства блока в 2010 г. стало подписание договора о ЗСТ с Египтом.

Л.Б.НИКОЛАЕВА, канд. экон. наук, ИЛА РАН

Глобальный финансово-экономический кризис и ситуация на рынке труда

Кризис прервал позитивные тенденции, которые наблюдались на латиноамериканском рынке труда в 2003—2008 гг. (сокращение городской безработицы с 10,2 в 2001 г. до 7,3% в 2008 г., рост занятости в формальном

секторе, сужение неформального сектора и пр.). Тысячи людей потеряли рабочие места или были вынуждены перейти на менее престижную и менее оплачиваемую работу. Но уже к началу 2010 г. стало понятно, что ситуация складывается благополучнее, чем прогнозировалось в начале кризиса.

Проблемы в экономике сказались, прежде всего, на занятости работников по найму в частном секторе (по региону занятость в этой категории трудящихся сократилась на 0,5%). Это снижение отчасти было компенсировано ростом занятости в государственном секторе, увеличением числа самостоятельных работников и работников семейных предприятий.

На сжатие спроса на рабочую силу на официальных предприятиях рынок отреагировал расширением неформального сектора, хотя и не столь масштабно, как ожидалось. Обзор по пяти странам (Колумбия, Эквадор, Мексика, Панама и Перу), проведенный ЭКЛАК и МОТ, показал, что число работников в неформальном секторе за период кризиса увеличилось с 37,9 до 38,7% от численности занятого городского населения. В отличие от предыдущих кризисов, процесс «деформализации» внутри самого официального сектора не получил широкого распространения. Наибольшее количество рабочих мест в формальном секторе, а значит и более высокого качества, было зарегистрировано в Бразилии, Чили, Никарагуа и Уругвае.

Снижение уровня занятости наблюдалось в первую очередь в наиболее пострадавших от кризиса секторах экономики — обрабатывающей промышленности и строительстве (на 0,6 и 0,3% соответственно в среднем по 15 странам). Относительную стабильность и даже незначительный рост продемонстрировала сфера услуг (торговля, коммунальные, социальные и персональные услуги), что во многом произошло за счет расширения неформального сектора и программ по обеспечению рабочими местами в госсекторе. Что касается сельского хозяйства, то оно смогло «принять» лиц, не сумевших найти работу в более продуктивных отраслях в Колумбии, Эквадоре, Гондурасе и Доминиканской Республике, тогда как в Чили и Коста-Рике сохранилась долгосрочная тенденция по сокращению доли сельскохозяйственных рабочих в общей численности населения.

Рынок занятости мужского населения оказался более подвержен негативному воздействию, чем женщин: в среднем по 14 странам уровень занятости мужчин снизился на 0,8% и почти не изменился для женщин. Это можно объяснить структурой занятости: кризисом в большей степени были задеты сектора, в которых занято мужское население, а сокращение женской занятости, например, в Доминиканской Республике происходило за счет сужения сферы туризма — сектора с высокой долей участия женщин. Оживление в экономике, наблюдаемое в 2010 г. в большинстве стран региона, способствовало росту спроса на рабочую силу в обрабатывающих отраслях, что в свою очередь привело к восстановлению занятости среди мужского населения.

После роста безработицы в 2009 г. до 8,1% в 2010 г. наметилась тенденция на снижение — до 7,3%. Сохраняется сильный разрыв между мужчинами и женщинами: уровень безработицы среди женского населения составляет 6,3% по сравнению 3,7% среди мужчин. Плюс ко всему женский труд преимущественно используется в неформальном и низко продуктивных секторах (менее 3% престижных рабочих мест в 100 наиболее крупных компаниях заняты женщинами).

Кризис не привел к осязаемому росту миграции, что вполне объяснимо: эпицентром кризиса были США, в которых за 2008 г. на 3% выросла безработица среди эмигрантов-латиноамериканцев, государственные гарантии мигрантам были отменены, участились случаи репатриации (особенно в Сальвадоре, Гватемале, Гондурасе, Никарагуа). Вместе с тем опросы общественного мнения показали, что высокий процент желающих уехать на заработки в США и Европу сохранялся. В числе основных причин назывались желание улучшить условия жизни, посылать деньги семье, низкие заработные платы в стране проживания.

Объем переводов от мигрантов (так называемые «ремесас»), которые во многих странах региона являются важнейшей статьей денежных поступлений (их объем вполне сопоставим, а в ряде стран превышает приток ПИИ), а для некоторых семей единственным средством существования, сократился с 70 млрд долл. в 2008 г. до 58,8 млрд в 2009 г. и в 2010 г. составил 58,9 млрд долл. Единственным исключением здесь является Парагвай: после падения с 750 млн долл. в 2007 г. до 700 млн в 2008 г. «ремесас» выросли до 723 млн в 2010 г. Возможно это произошло за счет более равномерного распределения мигрантов, в том числе высокой долей уехавших в Аргентину, рост экономики которой на 2010 г. составил 8,4%.

Удержать ситуацию на рынке труда главным образом удалось благодаря целенаправленной государственной политике. Согласно проведенному ЭКЛАК анализу, на 31 декабря 2009 г. специальные программы по поддержке рынка рабочей силы были приняты в большинстве стран региона (Аргентине, Боливии, Бразилии, Чили, Колумбии, Коста-Рике, Сальвадоре, Гватемале, Гондурасе, Мексике).

Почти все программы предусматривали повышение минимального уровня заработной платы, в основном это касалось государственных служащих. В некоторых странах были предусмотрены система страхования трудящихся, предоставление субсидий, льгот по налогам и погашению долгов предприятиям, которые обязались не сокращать рабочие места или провести профессиональную переподготовку работников (Бразилия, Аргентина, Мексика, Коста-Рика, Чили). Дополнительные средства выделялись на сохранение рабочих мест для молодежи: в Колумбии, например, в два раза были увеличены квоты на подготовку инженеров и других специалистов-техников в возрасте от 16 до 26 лет. Внедрялись схемы гибкого рабочего графика (Коста-Рика), создание временных рабочих мест, увеличивались пособия по безработице при условии участия в социальных программах (Мексика, Сальвадор, Парагвай). Очевидно, что не все пункты программ были осуществлены в полном объеме. Различен и результат их выполнения в разных странах. Наиболее спешно удалось стабилизировать ситуацию и уже к началу 2010 г. добиться роста занятости и сокращения безработицы в Бразилии, рост занятости наблюдался также в Чили, Перу, Уругвае. В Мексике и Венесуэле, напротив, безработица продолжала расти.

Несмотря на относительно успешное преодоление последствий кризиса, ситуация на рынке труда в Латинской Америке остается весьма сложной: сохраняется высокий уровень безработицы, дефицит высокопродуктивных и достойных рабочих мест, дискриминация в отношении молодежи, женщин и малоквалифицированных работников.

Кризис привлек внимание к структурным проблемам и выявил необходимость совершенствования политики занятости на краткосрочную и долгосрочную перспективу в контексте макроэкономического планирования и показал определяющую роль государства в этом вопросе.

Д.В.РАЗУМОВСКИЙ, научный сотрудник, ИЛА РАН

Состояние агропромышленного комплекса Латинской Америки в предкризисный и кризисный период

При рассмотрении ситуации в агропромышленном комплексе Латинской Америки в указанные периоды необходимо учитывать три процесса:

— разразившийся перед мировым финансовым кризисом глобальный продовольственный кризис (в 2007—2008 гг.), который во многом определил параметры развития отрасли в последующие годы;

— непосредственно всемирный экономический кризис, приведший как к изменениям цен на продовольственные товары на мировых рынках, так и осложнивший положение в отрасли в конкретных странах;

— череда природно-климатических аномалий, имевших место в регионе, которые рассматриваются рядом экспертов в контексте глобальных климатических изменений, т.е., возможно, в дальнейшем повлияющих на состояние отрасли.

Существенное и многостороннее воздействие на развитие АПК региона оказал глобальный продовольственный кризис, к основным причинам которого относят:

краткосрочные факторы:

— переориентация производства ряда зерновых культур (кукуруза, соя, пальмовое масло) на производство биотоплива. Оценки степени влияния этого фактора разнятся: по данным Министерства сельского хозяйства США, изъятие указанных культур из продовольственных в биотопливные повлияло на рост цены не более чем на 5%, однако по мнению экспертов Всемирного банка, — на 80%;

— сокращение мировых запасов зерновых;

— рост стоимости энергоносителей (этот факт очевиден).

Кроме того, ряд специалистов относят к причинам кризиса и долгосрочные факторы:

— глобальный рост спроса на продовольствие, прежде всего со стороны развитых стран и Китая. По прогнозам ФАО, к 2030 г. мировое потребление продовольствия вырастет на 50%;

— глобальный тренд на рост производства мяса (так называемый «мясной цикл» в мировом сельском хозяйстве);

— эффект неолиберальных преобразований в Латинской Америке, в результате которых в 90-е годы были ликвидированы отраслевые союзы и регулирующие институты. Происходит также концентрация производства как по территориальному принципу, так и по размерам хозяйств. Указанный фактор во многом влиял на ухудшение положения значительной части населения (прежде всего крестьян), из-за чего возросла их уязвимость от резкого роста цен.

Так как в регионе высокий уровень бедности, то с целью снижения негативных социальных эффектов от роста цен ряду стран потребовалось ввести оградительные меры, которые сами по себе вызвали падение производства и рост цен после кризисного 2009 г.

Так Аргентина, на которую приходилось 60% производства пшеницы в регионе, еще с 2006 г. ввела ограничения на экспорт зерна для стабилизации внутренних цен, что вызвало резкое сокращение площади посевов и объемов производства, так как производители ожидали уменьшения рентабельности несмотря на рост мировых цен. Ограничения экспорта также вводили Боливия и Бразилия. Страны, зависимые от импорта основных сельскохозяйственных продуктов (Мексика, Венесуэла, Никарагуа, Боливия), снижали импортные пошлины и даже пытались запустить программы по стимулированию внутреннего производства.

Из-за введенных экспортных ограничений не все сельхозпроизводители сумели выиграть от повышения цен. Наиболее ярким рост был отмечен в экспортных отраслях, прежде всего в производстве сои. Цены на нее росли, а ограничения не вводились, так как для внутреннего рынка соя значения не имеет. Попытка правительства Аргентины ввести экспортные пошлины на сою из-за забастовок фермеров оказалась неудачной. В результате соя стала единственной культурой в стране, посевные площади под которой в 2007—2008 гг. выросли. В 2007 г. во многом из-за сои увеличение валового сельскохозяйственного производства в Аргентине составило 10%, а в Парагвае 14%. В остальных государствах рост был умеренный.

В 2009 г. мировые цены на продовольствие начали снижаться, причем, по данным ФАО, снижение было отмечено только на товарных биржах, в то время как в ряде стран Латинской Америки розничные цены только росли. Причем падение цен в 2009 г. на продовольствие было вызвано только одной причиной — ухудшением экономической конъюнктуры, сокращением закупок для создания запасов, а не компенсационными рыночными механизмами вследствие наращивания производства. В итоге снижение цен превратилось в показатель роста нищеты.

В пик кризиса в 2009 г. валовый объем выпуска сельскохозяйственной продукции по региону снизился на 2,9%. Однако динамика данного показателя сильно различается по субрегионам. Так, некоторые крупнейшие страны Южной Америки показывали относительно высокие для такого масштаба хозяйства темпы роста в предкризисные 2006—2007 гг. (5—10%), зато испытали существенное падение в 2009 г. Центральная Америка и Карибы демонстрировали более разнонаправленную динамику и в целом, после отрицательных 2007 и 2008 гг., показали рост в 2009 г. — 3,7%.

Положение сельского хозяйства региона в кризисные годы (2008—2009 гг.) было резко осложнено климатическими аномалиями, возникшими вследствие явления Эль-Ниньо. Так, самая сильная за последние 50 лет засуха в **Аргентине** нанесла серьезный ущерб сельскому хозяйству. Пострадали посевы пшеницы, сои, кукурузы и подсолнечника. От засухи погибло 800 тыс. голов крупного рогатого скота. Предполагаемый ущерб оценивается в 4 млрд долл. В результате объем производства сои, несмотря на увеличение посевов, сократился на 23%, что подстегнуло локальный по времени рост мировых цен на фоне их общего снижения в 2009 г. Объем производства пшеницы упал на 55%, что на фоне экспортных ограничений совсем

ухудшило положение местных производителей. Совокупность трех столь негативных факторов (погода, ограничения, кризис) привела к рекордному падению объема валового сельхозпродукта страны: на 16% в 2009 г. и на 2,5% в 2008 г. (после рекордного роста в 2007 г.)

Засуха нанесла огромный урон урожаю в Чили, Парагвае, Боливии, Уругвае. В Бразилии из-за нее осложнилась и ситуация в ключевых с точки зрения сельскохозяйственной колонизации регионах — Амазонии и Центрально-Западном районе. Падение производства было отмечено одновременно почти по всем культурам, в результате чего объем валового сельскохозяйственного продукта сократился на 5%.

Кризисные годы стали тяжелыми для сельского хозяйства большинства стран прежде всего вследствие природных факторов, а не из-за влияния кризиса и ухудшения конъюнктуры рынков. Правительства, стремясь снивелировать негативные эффекты, оказывали поддержку сельхозпроизводителям. Так, в Аргентине была запущена программа льготного кредитования производителей общим объемом 211 млн долл. Правительством Бразилии был разработан комплекс мероприятий, предусматривающий льготное кредитование фермеров и рост закупочной цены на пшеницу. Меры господдержки были направлены, прежде всего, на помощь мелким и средним производителям, которые более чувствительны к ухудшению условий кредитования и меньше выиграли от роста мировых цен.

Для анализа перспектив посткризисного развития АПК необходимо учитывать несколько аспектов:

— уже по динамике цен в 2010—2011 гг. ясно, что рост мировых цен продолжится, и Латинская Америка, по оценкам Всемирного банка, могла бы стать регионом, который сможет обеспечить растущее потребление. Во-первых, есть ресурсы земель, которые при росте цен и развитии индустриальных типов сельского хозяйства станут рентабельно обрабатывать. Во-вторых, есть возможности для наращивания урожайности и эффективности за счет использования удобрений, ГМО и т.д.;

— однако от роста цен производители выиграют, но население проиграет. Из-за концентрации производства в крупных хозяйствах мелкие производители все больше вытесняются из отрасли, пополняя число бедняков. По данным ЭКЛАК, из-за роста цен в регионе в среднесрочной перспективе число голодающих может вырасти на 15 млн человек (дополнительно к уже существующим 70 млн);

— для ограничения внутренних цен правительства скорее всего будут вынуждены ограничивать экспорт, что снизит инвестиционную привлекательность традиционных продуктов питания. В то же время стоит ожидать роста инвестиций в производство сои и культур, использующихся для производства биотоплива;

— земельные ресурсы становятся объектом конкуренции развитых стран. Так, арабские, китайские и европейские инвестиционные фонды активно скупают земли в Африке со спекулятивными целями. Тот же сценарий уже начинает реализовываться и в Латинской Америке, прежде всего в Аргентине и Бразилии.

Какую экономику унаследует новое правительство Аргентины?

В текущем году в Аргентине состоятся президентские выборы, и к власти придет новое правительство (возможно, во главе с нынешним лидером — Кристиной Фернандес де Киршнер, если она решит стать претендентом на высший государственный пост). В каком состоянии получит национальную экономику новая власть?

Замечу, что за прошедшее десятилетие Аргентина пережила два кризиса: 2001—2002 и 2008—2009 гг. В обоих случаях финансово-экономические потрясения были связаны с внешними эффектами, но если в начале века у страны не оказалось внутренних резервов противостояния кризисным явлениям, то к концу первого десятилетия в рамках неodesарролистской модели* аргентинская экономика продемонстрировала высокую степень устойчивости и сопротивляемости. Для иллюстрации приведу некоторые сравнения.

Во время *первого кризиса* страновой ВВП сокращался в течение четырех лет с максимальным падением в 2002 г. в размере 11%. Промышленное производство практически обрушилось: в 1998 г. было выпущено 460 тыс. автомобилей, а в 2002 г. — менее 160 тыс. Отдельные виды товаров вообще перестали выпускаться.

В период *второго кризиса* наблюдалось снижение роста экономики только в 2009 г., но и в этом случае ВВП показал хотя и минимальный, но прирост — порядка 1%. И это при том, что в 2008 г. страна пережила невиданную засуху, резко сократившую сбор зерновых и поступления от экспорта ключевой сельскохозяйственной продукции.

Аргентина быстро оправилась от кризиса. В 2010 г. экономический рост уже составил 8,5%, а в нынешнем году будет на уровне 6%. В рамках неodesарролистской модели в период 2002—2011 гг. *ВВП в постоянных ценах практически удвоился — с 242 до 473 млрд долл.* Принципиально важно и то, что Аргентина вышла на уровень сбора **90—100 млн т** зерновых и масличных культур. Кроме того, в текущем году прогнозируется исторический максимум **внешнеторгового оборота** — свыше **163 млрд долл.**, что почти в *пять раз* больше, чем в 2002 г. Одновременно произошло ощутимое снижение долговой нагрузки на экономику: в 2003 г. **госдолг**, находившийся в руках частных инвесторов и международных финансовых организаций, достигал почти **70%** ВВП, а в 2010 г. этот показатель составил всего **18%**. Крайне важно и то, что аргентинским властям удалось удержать социальную сферу, не допустить экспоненциального роста безработицы и бедности, как случилось в 2001—2002 гг.

В чем причины того, что Аргентина, по большому счету, «отделалась легким испугом» и прошла кризис с минимальными потерями?

Ответ очевиден: «виновницей» стала та модель развития, которая сформировалась в стране после хозяйственного провала 2001—2002 гг. и в целом (на данный момент) оказалась адекватной нынешнему этапу национального, регионального и глобального развития, продемонстрировав устойчивость перед лицом внешних негативных эффектов.

* См.: П.П.Яковлев. Перед вызовами времени. Циклы модернизации и кризисы в Аргентине. М., 2010.

Не буду подробно описывать современную модель, но обозначу ее главные характеристики: активная роль государства, обеспечение профицита бюджета, развитие внутреннего рынка путем последовательного повышения доходов основной массы населения, сохранение конкурентоспособного обменного курса национальной валюты, стимулирование экспорта и поддержание активного внешнеторгового сальдо, диверсификация внешних рынков, ослабление долговой нагрузки на экономику и т.д.

Подчеркну, что эта модель позволила даже в самых сложных условиях мобилизовать необходимые ресурсы и реализовать широкомасштабную антикризисную программу, включавшую в себя разнообразные меры антициклического характера.

На этапе посткризисного развития аргентинская экономика характеризуется следующими стратегическими факторами роста:

- обладание критически важными ресурсами: продовольствие, углеводороды, минеральное сырье. По имеющимся прогнозам, страна в ближайшее десятилетие может выйти на уровень ежегодного сбора **150 млн т зерновых и масличных культур**. Это обозначит ее значимую роль в обеспечении *мировой продовольственной безопасности*;

- возможности масштабирования эффектов модернизации перерабатывающих отраслей (например, вместо экспорта молока можно вывозить сухое молоко с более высокой добавленной стоимостью и т.д.);

- наличие относительно развитой, диверсифицированной и конкурентоспособной промышленности (в 2010 г. было выпущено около **700 тыс.** автомобилей, из которых свыше **60%** пошло на экспорт);

- формирование национального *инновационного сектора* (выпуск новых востребованных на рынке товаров. Пример: **биодизель**, по выпуску которого Аргентина заняла второе место в мире после США, соответственно, 14,3 и **13,1%** мирового производства);

- сравнительно емкий внутренний рынок (население страны превысило **40 млн человек**, а подушевой ВВП составляет около **12 тыс. долл.** По меркам Латинской Америки, это — серьезные цифры);

- высокий экспортный потенциал. Уже в ближайшие годы объем экспорта превысит 100 млрд долл. При этом на долю *промышленных товаров* индустриального и сельскохозяйственного происхождения приходится около 70% экспортных поставок.

Однако приведенная позитивная картина не означает отсутствия серьезных проблем и вызовов, сопровождающих хозяйственное развитие страны. Причем, главные зоны риска лежат в политико-институциональной сфере. Хочу подчеркнуть, что это — реальные угрозы, которые нельзя недооценивать. Назову лишь некоторые риски: слабость многих общественных институтов (в ряде случаев — институциональный вакуум); традиционная политическая и кадровая нестабильность (за последние 150 лет в стране сменилось **127** министров экономики, т.е. 1 год и 3 месяца в среднем на каждого); угроза гипертрофирования роли государства в экономике; низкая инвестиционная привлекательность; отсутствие выверенной стратегии развития внешнеторговых связей и т.д. Многое из того положительного, что происходит в аргентинской экономике, происходит не благодаря, а вопреки отдельным конкретным действиям государства, хотя то же государство задало в целом благоприятные параметры роста. Такая складывается непростая ситуация.

Опыт Аргентины свидетельствует, что макроэкономическая политика — это тонкая настройка, которую могут разрушить (с катастрофическими последствиями для национального воспроизводственного аппарата) любые непродуманные резкие движения власти, или напротив — отсутствие назревших решений.

В любом случае в ближайшее десятилетие Аргентина пройдет развилку своих возможных экономических траекторий и окончательно определится с макроэкономической стратегией XXI в. И в этом смысле президентские выборы 2011 г. будут иметь стратегическое значение.

И последнее, о чем хотелось сказать. На мой взгляд, аргентинский случай, хотя и отмечен определенной спецификой, отражает некоторые важные тренды, характеризующие положение целого ряда стран Латинской Америки. Большинство ведущих государств региона сравнительно успешно преодолели кризис и вышли на траекторию антикризисного роста. Этому способствовали и принятые антикризисные меры, и благоприятные глобальные условия. Из числа внешних факторов отмечу высокий спрос на товары латиноамериканского экспорта и беспрецедентный объем внешнего финансирования (в 2010 г. приток иностранного капитала составил **266 млрд долл.**). Но такая ситуация характерна не для всех. Регион зримо разделяется на две группы, одна из которых (в основном, государства Южной Америки) обретает новые экономические шансы и наращивает потенциал, а другая (карибские и центральноамериканские страны) — несет ощутимые потери и снижает темпы роста. В результате регион выходит из кризиса на *двух скоростях*, что может привести к углублению имеющихся различий в ЛКА.

Л.Н.СИМОНОВА, канд. экон. наук, ИЛА РАН

Результаты восьмилетних преобразований в Бразилии

В качестве основы экономических реформ Лулы да Силвы была принята модель развития, ориентированная, прежде всего, на расширение производства и потребления и формирование емкого внутреннего рынка страны. Учитывая резкие социальные диспропорции, ставшие настоящим бедствием для бразильского общества, без решения проблемы бедности и повышения жизненного уровня наиболее обездоленной части населения, в том числе путем перераспределении доходов, поступательное продвижение экономики страны вперед вряд ли могло состояться.

В значительной степени успех в реализации намеченных в 2003 г. целей и задач экономической политики стал возможен благодаря *повышению эффективности государственного управления и созданию механизмов стимулирования инвестиционного процесса*. К последним можно отнести обеспечение доступа к кредитными ресурсами реального сектора экономики, осуществление финансовой поддержки в рамках государственных программ развития (инфраструктуры, жилищного строительства, сельского хозяйства, социальной сферы, стратегически важных и наукоемких отраслей экономики), создание новых рабочих мест.

В 2003—2008 г. среднегодовые темпы прироста экономики Бразилии составили 4,8%, объем ВВП на душу населения страны увеличился с 3,1 тыс. до 8,6 тыс. долл. США (по текущему курсу). Благодаря своевременно приня-

тым мерам по стимулированию внутреннего спроса и восстановлению инвестиционного процесса, Бразилии удалось с минимальными потерями пройти кризисный 2009 г.: объем ВВП сократился на 0,2% по сравнению с 2008 г. В 2010 г. рост возобновился — объем ВВП увеличился на 7,6%. Снизился уровень безработицы, который даже в кризисный 2009 г. не превышал 6,8% экономически активного населения (ЭАН), а в 2010 г. составил 5,3% ЭАН (12,3% в 2003 г.). Всего за время правления Лулы да Силвы было создано более 14 млн рабочих мест, в том числе в 2009—2010 гг. — около 3 млн.

За последние восемь лет Бразилии удалось существенно продвинуться по пути модернизации экономики, основной которой стало создание современной инфраструктуры. В соответствии с Программой ускорения роста, стартовавшей в 2007 г., были реализованы крупные проекты в области инфраструктуры: реставрированы 23 тыс. км дорожных покрытий, построены 19 аэропортов, модернизированы 20 морских портов, спущены на воду 129 судов, построены тысячи километров железных дорог. Осуществлялись крупные инвестиции (как государственные, так и частные) в энергетику, строительство жилья и здравоохранение. В 2003—2010 гг. было построено 21,8 тыс. км новых линий электропередач, по сравнению с 2002 г. энергетические мощности увеличились на 37%, достигнув 110 тыс. МВт. По данным на начало 2011 г., в Бразилии ведется строительство 11 ГЭС суммарной мощностью 8726 МВт, а в августе 2010 г. стартовал новый крупный проект — возведение ГЭС «Бело Монте» на притоке Амазонки мощностью 11,1 тыс. МВт (третьей по размеру в мире).

Прошедшие восемь лет отмечены динамичным ростом бразильского экспорта (в 2,8 раза в 2003—2010 гг.) и значительными успехами по расширению номенклатуры экспортируемых товаров и диверсификации рынков сбыта. Однако, несмотря на явные успехи в продвижении на внешний рынок товаров с высокой степенью обработки, темпы роста экспорта готовых промышленных изделий в 2005—2010 гг. замедлились, что сказалось на сокращении их доли в совокупном объеме экспорта страны (с 55,1% до 39,4%). Данная тенденция в значительной степени стала следствием опережающего роста цен на продовольствие и сырье на мировых рынках, прервавшегося только во время кризиса 2009 г., повышения спроса на бразильское металлургическое сырье на азиатских рынках.

В 2010 г. оборот внешней торговли не только восстановился до предкризисного уровня, но и превысил объемы 2008 г. При этом импорт, ориентируясь на активизацию спроса на внутреннем рынке, демонстрирует более высокие темпы роста по сравнению с экспортом, расширение которого сдерживается медленным выходом глобальной экономики (прежде всего развитых стран) из рецессии.

Основными рынками сбыта бразильских товаров в кризисный 2009 г. стали азиатские страны, оттеснив на вторую и третью позиции государства ЕС и ЛКА. По итогам года Китай, обогнав по объему импорта бразильских товаров США и Аргентину, превратился в крупнейшего торгового партнера Бразилии со взаимным оборотом в 36,1 млрд долл. В 2010 г. страны Азии укрепили свою позицию в качестве крупнейшего покупателя бразильских товаров (28% экспорта Бразилии), поставки в Китай выросли на 46% до 30,8 млрд долл., а доля Поднебесной увеличилась до 15,2%. Оборот бразильско-китайской торговли достиг 58 млрд долл.

По данным Всемирного банка, в 2010 г. наблюдался массивный приток иностранных капиталов в Бразилию на фоне низких процентных ставок и медленного восстановления рынков в развитых странах. Поступление прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в экономику Бразилии составило рекордное значение в 48,46 млрд долл., что позволило ей занять шестое место среди стран, с наибольшим объемом привлеченных средств. По темпам прироста ПИИ Бразилия стала мировым лидером. Для сравнения: средний показатель развивающихся стран равен 9,7%, а Китая — 6,3%. В 2011 г. бразильские экономисты прогнозируют приток ПИИ в объеме 55 млрд долл.

Наряду с положительными моментами, такими, как доступ к относительно дешевому финансированию и возможность наращивания производства и внутреннего спроса, массивный приток капиталов несет ряд серьезных рисков. Резко возрастает опасность перегрева экономики, спекулятивного роста фондового рынка, кредитного бума и усиления инфляции. Негативными последствиями избыточного притока средств также являются завышенный курс национальной валюты и снижение конкурентоспособности экспорта.

Высокую активность на бразильском рынке прямых инвестиций демонстрируют китайские компании, которые увеличили присутствие в семи горнодобывающих компаниях Бразилии и расширили позиции в нефтяной промышленности страны. Общая сумма вложений китайского капитала в бразильские недра в 2010 г. превысила 9,5 млрд долл. К Китаю, Индии, Объединенным Арабским Эмиратам, традиционно активным на бразильском рынке, присоединяются и некоторые страны СНГ, в частности, Казахстан. Горнодобывающие компании этой страны только в 2010 г. инвестировали в Бразилию около 1,5 млрд долл. Представители Казахстана ведут переговоры по реализации еще нескольких крупных приобретений в сфере горной добычи на территории Бразилии.

В целях усиления контроля над использованием недр и защиты стратегических отраслей промышленности правительство Дилмы Руссефф разработало законопроект, который будет передан на рассмотрение парламенту до июня 2011 г. В частности, предлагается ввести аукционный принцип распределения прав на разработку недр вместо ныне действующего контрактного принципа (когда правительство просто удовлетворяет поступающие заявки). Также будут установлены минимальные квоты на инвестиции бразильских компаний и введены ограничения на получение концессий иностранными компаниями. Ожидается, что закон будет принят до конца 2011 г. Кроме горнодобывающей отрасли рассматривается вопрос о введении ограничений на прямые и портфельные иностранные инвестиции в такие отрасли экономики, как сельское хозяйство, телекоммуникации и автомобилестроение.

Согласно оценкам правительства Бразилии, в 2011—2014 гг. среднегодовые темпы прироста экономики составят более 6%, объем инвестиций в основной капитал увеличится с 18,5% ВВП в 2010 г. до 21,5% в 2014 г. По прогнозам экспертов Всемирного банка, в ближайшие два года прирост ВВП Бразилии будет несколько ниже (4,4% в год), что связано с необходимостью обеспечения макроэкономического равновесия (снижение инфляции и сдерживание роста кредитного рынка) на фоне массивного притока в страну иностранного капитала.

В качестве важнейшего фактора устойчивого развития страны следует отметить преимущество социально-экономической политики нового президента Д. Руссефф, которая ориентирована на продолжение и углубление реформ, начатых в период правления Лулы да Силвы. Прежде всего, речь идет о втором этапе «Программы ускорения роста» (РАС 2), продолжающей масштабные инвестиции в модернизацию инфраструктуры, развитие социальной сферы и жилищное строительство. Примерно 70% средств будет направлено на реализацию энергетических проектов (возобновляемые источники энергии, нефть и газ).

Помимо нефтегазовой промышленности и нефтехимии высокие темпы роста промышленных инвестиций в 2010—2013 гг. ожидаются в черной металлургии, производстве электротехники и электроники, а также автомобилей. Следует также отметить, что рост государственных и частных инвестиций в ближайшие восемь лет в значительной мере будет связан с подготовкой страны к Чемпионату мира по футболу 2016 г. и Олимпийским играм 2018 г.

Развитие промышленного производства в среднесрочной и долгосрочной перспективах связано с реализацией государственной программы «Политика развития производительности» (Política de Desenvolvimento Produtivo, PDP), стартовавшей в мае 2008 г. Программа призвана стать важнейшим инструментом повышения конкурентоспособности бразильской промышленности. Список отраслей, получающих различные формы господдержки, весьма широк — от производства потребительских товаров (включая легковые автомобили) до строительства судов и выпуска современного промышленного оборудования. Основными методами реализации программы является налоговая и кредитная поддержка со стороны государства частных инвестиций в модернизацию производства, включая предоставление субсидированных кредитов по линии Банка социально-экономического развития. Принятые в рамках новой политики программы также охватывают такие стратегические сферы, как информационные и коммуникационные технологии, биотехнологии, нанотехнологии, развитие оборонного комплекса, производство ядерной энергии.